

ПОЛИТИКА ИСТОРИИ

А.М. Понамарева*

«НЕУДОБНОЕ ПРОШЛОЕ» ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ ХОРВАТИЯ**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт научной информации по общественным наукам*

*Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский проспект, 51/21*

Исторические исследования всегда в той или иной мере зависели от политической конъюнктуры, в периоды войн и социально-политических потрясений превращаясь в «тяжелую артиллерию» государственной пропаганды. В последние годы эта тенденция получила мощный импульс к развитию, что заставило ученых обратиться к оценке роли исторической памяти в формировании коллективных представлений и политических мифов. К настоящему моменту эти исследования успели оформиться в самостоятельное направление по изучению комплекса проблем, связанных с исторической политикой, политикой памяти и политическим использованием прошлого в целом.

В представленной работе рассматриваются особенности и содержание исторической политики Республики Хорватия в отношении ее «неудобного прошлого» периода Второй мировой войны. В то время как опыт недавнего сербско-хорватского конфликта постепенно превращается в фигуру умолчания, знаковые эпизоды 1940-х годов не исчезают из публичной риторики лидеров страны, сохраняя статус «прошлого, которое не проходит». На пространстве бывшей Югославии конкурирующие нарративы выстраиваются вокруг определенных исторических событий и личностей: если сербская сторона обращается к теме Ясеноваца и антифашизма, то хорватская — к памяти о так называемой Блайбургской бойне 1945 г., «Крестном пути» и жертвах коммунизма. Ясеновац и Блайбург выступают в качестве противоположных «мест памяти», где,

* Понамарева Анастасия Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН (e-mail: amp1982@mail.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-011-00662).

отталкиваясь от различий в интерпретации событий Второй мировой войны, политические оппоненты получают возможность лишней раз осудить друг друга, в том числе в привязке к дню сегодняшнему. Автор рассматривает хорватско-сербские противоречия в трактовке событий, опираясь на теорию стигматизации Эрвинга Гоффмана. На основе этого общетеоретического каркаса предпринята попытка проанализировать события Второй мировой войны как особой «стигмы» Хорватии. С учетом классической теории Э. Гоффмана подобная экстраполяция представляется обоснованной. В задачи исследования входит определение типа выбранной Загребом стратегии формирования репутации из доступных государствам с «запятнанной» национальной идентичностью. Опираясь на концепцию Э. Гоффмана, автор приходит к выводу, что Хорватия применила стратегию «избирательной амнезии», отдав предпочтение сокрытию неоднозначных эпизодов истории. Автор определяет характерный для официального Загреба тип обращения с «испорченной идентичностью». Раскрываются методы исторической самолегитимации Республики Хорватия и обозначаются внешнеполитические риски, связанные с их применением.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, политическое использование прошлого, идентичность, исследования памяти, стигматизация, Вторая мировая война, Республика Хорватия.

В контексте приближения 75-летия с момента окончания Второй мировой войны, изменившей судьбы целого ряда государств Европы и Азии и предопределившей их геополитическое положение на длительную перспективу, нарастает градус общественной полемики в отношении осмысления причин и итогов этого «учредительного события» общемирового масштаба. По мере ухода поколения очевидцев, когда живое воспоминание свидетеля оказывается под угрозой исчезновения, общество сталкивается с потребностью выработать «культурные формы памяти о прошлом» [Ассман, 2004: 11–12]. «Плюральная, фрагментированная память сегодня выходит за рамки “территории историка” и активно включается в идеологический процесс на всех его уровнях, становится объектом манипулирования», — ставит диагноз современности М.М. Федорова [Федорова, 2019: 138]. И вот уже на протяжении нескольких лет мы наблюдаем, как из территории согласия, предопределенного императивным «никогда больше!», историческая память о войне превращается в еще одно пространство решения сугубо политических задач.

Для России Великая Победа мая 1945 г. — это стержневой элемент национальной идентичности. Страна-победитель,

спасшая «Европу и мир от рабства, от истребления, от ужасов Холокоста»¹, вне зависимости от показателей ВВП/ВНП на душу населения имеет все основания претендовать на статус великой державы. Понимание основного принципа современной постмодернистской реальности — «when we deal with words we deal with mind» — обусловило крайне негативную реакцию Кремля на резолюцию Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006)² и резолюцию Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» (2009)³. Оба документа фактически возложили на СССР и Германию равную ответственность за начало Второй мировой войны, сведя героическую историю сопротивления советского народа к столкновению «двух тоталитаризмов». Контратакой Кремля в пространстве международной «битвы за прошлое» стало учреждение в 2009 г. Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Оказавшись довольно «беззубым», данный институт просуществовал лишь до 2012 г. Однако общая усталость от иницилируемых восточноевропейскими странами «войн памяти», в которых России неизменно отводилась роль обороняющейся стороны, выразилась в принятии Госдумой закона об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма (2014) [Edele, 2017]. Первый приговор по соответствующему уголовному делу (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ) был вынесен в 2016 г.

¹ Цит. по: Путин на параде Победы: Не позволим забыть, кто спас мир от рабства и истребления // REN.TV. 09.05.2018. Доступ: <https://ren.tv/news/v-rossii/300640-putin-na-parade-pobedy-ne-pozvolim-zabyt-kto-spas-mir-ot-rabstva-i-istrebleniia> (дата обращения: 11.11.2019).

² Резолюция № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» // ПАСЕ. 2006. Доступ: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp (дата обращения: 11.11.2019).

³ Резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» // Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. Вильнюс, 29 июня — 3 июля 2009 г. С. 53–55. Доступ: <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file> (дата обращения: 11.11.2019).

Применительно к Европейскому союзу (ЕС) мы можем сказать, что прочно выработанный к 1980-м годам консенсус, в центре которого были моральное осуждение нацизма любого толка и национальная самокритика, стал разрушаться с началом расширения данного объединения на восток. За прошедшие десятилетия «младоевропейцы» приложили немало усилий, чтобы оправдать своих коллаборационистов как «борцов с советским тоталитаризмом», и сформировали «инфраструктуру для подготовки своеобразного “Нюрнберга” над Советским Союзом»⁴. Доказательством этого, помимо уже упоминавшихся резолюций ПАСЕ и ПА ОБСЕ, служат подписание Пражской декларации о европейской совести и коммунизме (2008)⁵, Декларации о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008)⁶; Варшавской декларации по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов (2011)⁷; создание Платформы европейской памяти и совести⁸ (2011); совместные заявления представителей правительств государств — членов ЕС от 23 августа 2018 г. о почтении памяти жертв коммунизма и, наконец, принятая в сентябре 2019 г. 535 голосами «за» при всего 66 «против» резолюция Европарламента «О важности

⁴Дюков А.Р. К подготовке «Анти-Нюрнберга». Новое средство от развала ЕС // Однако. 21.11.2011. Доступ: <http://www.odnako.org/blogs/k-podgotovke-anti-niurnberga-novoe-sredstvo-ot-razvala-es/> (дата обращения: 11.11.2019).

⁵Prague Declaration on European Conscience and Communism. June 3, 2008. Prague, Senate of the Parliament of the Czech Republic. Available at: <https://www.praguedeclaration.eu/> (accessed: 11.11.2019).

⁶Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // Official Journal of the European Union. C. 8 E/57. 2010. 14 Jan.

⁷Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes. August 23, 2011 // Platform of European Memory and Conscience. Available at: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/08/warsaw_declaration.pdf (accessed: 11.11.2019).

⁸Платформа европейской памяти и совести — международная организация, объединяющая 48 государственных и частных институтов из 18 стран (13 стран — членов ЕС, Украина, Молдавия, Исландия, Канада и США). Платформа была создана в 2011 г., ее штаб-квартира находится в Праге (Чехия). В качестве главной задачи организации указана борьба с экстремизмом, нетерпимостью, антидемократическими движениями. На базе Платформы проводятся международные конференции, выставки, создаются образовательные проекты, связанные с изучением истории тоталитарных режимов. Первым проектом организации стало издание совместного учебника по истории тоталитаризма в Европе. В 2015 г. ежегодная премия Платформы была вручена представителям российской внесистемной оппозиции — Алексею и Олегу Навальным.

европейской памяти для будущего Европы»⁹. Последний документ российский МИД расценил как еще одну возмутительную попытку «поставить знак равенства между нацистской Германией — страной-агрессором — и СССР, народы которого ценой огромных жертв освободили Европу от фашизма»¹⁰.

Показательно, что даже ФРГ, долгое время служившая для стран «оси» неким ГОСТом коллективного принятия моральной ответственности за преступления прошлого, постепенно отказывается от этой роли. Современная Германия по-прежнему воспринимается массовым сознанием в качестве «чемпиона по покаянию», но специалисты все чаще говорят о том, что «память в стране застывает в потерявших энергию и способность к критическому осмыслению формах»¹¹. Более того, парадоксальным образом с выдвиганием памяти о Холокосте в центр немецкого исторического сознания все ярче проявляется тенденция самоидентификации немцев с еврейскими жертвами.

Разделяемая память о Второй мировой войне необходима Европейскому союзу как основа построения общего будущего. Однако пока эта программа остается в области «благих пожеланий». Как отмечает немецкий историк и культуролог Алейда Ассман, Европа ГУЛАГа противостоит Европе Холокоста¹². Постсоциалистические государства не желают, чтобы им указывали, как они должны вспоминать свою историю, особенно если эти указания исходят от Германии.

В данном контексте — интенсивного развития «мемориальной индустрии» и активизации ревизионистских проектов — представляется актуальным проследить, какие механизмы

⁹ European Parliament resolution on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP)) // European Parliament. Available at: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0100_EN.html (accessed: 11.11.2019).

¹⁰ Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос агентства «РИА Новости» в связи с принятием Европарламентом резолюции «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» // МИД РФ. 20.09.2019. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3793247 (дата обращения: 11.11.2019).

¹¹ Махотина Е. Память как панацея. Критика культуры воспоминания и новые направления memory studies в Германии: Доклад, прочитанный на заседании Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН 25 сентября 2018 г. Цит. по: Понамарёва А.М. Критика культуры воспоминания и новые направления memory studies в Германии: Отчет по итогам заседания Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН. Доступ: [file:///C:/Users/acer/Downloads/kritika-kultur-vozpominaniya-i-nov-e-napravleniya-memory-studies%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/acer/Downloads/kritika-kultur-vozpominaniya-i-nov-e-napravleniya-memory-studies%20(1).pdf) (дата обращения: 11.11.2019).

¹² Комментарий к книге: Europa. Notre histoire / Ed. by E. François, T. Serrier. Paris, 2017.

осмысления событий Второй мировой войны используют не державы-победительницы, но страны «оси» (помимо Германии, ставшей излюбленным объектом изучения специалистов в области *memory studies*). И одним из наиболее занимательных и симптоматичных для «младоевропейцев» сюжетов (обойденных вниманием отечественных международников) являются попытки постсоциалистической Хорватии извлечь внешне- и внутривнутриполитические преимущества из «неудобного прошлого». Отметим, что российские эксперты-балканисты [см., например: Романенко, 2000; Фрейдзон, 2001; Гуськова, 2001; Пономарева, 2007], затрагивая проблематику коллективной памяти, в большинстве своем придерживаются эссенциалистского подхода к историческому познанию. Однако приверженность концепциям XIX в. в определении сути истории, т.е. восприятие ее как науки, которая не может быть переписана, ограничивает объяснительный и прогностический потенциал политологических исследований. В свою очередь мы предлагаем рассмотреть прошлое Хорватии периода Второй мировой войны не в качестве «данности», но как элемент некой конструируемой реальности, символический ресурс, используемый элитами для легитимации своих действий. В рамках настоящей статьи мы: 1) проанализируем хорватско-сербские противоречия в трактовке событий Второй мировой войны; 2) опираясь на теорию стигматизации Эрвинга Гоффмана, определим используемую официальным Загребом стратегию обращения с «испорченной идентичностью» и 3) обозначим внешнеполитические риски, с ней связанные.

Терминологические трудности: два эксперта — три определения

Предваряя рассмотрение хорватского кейса, раскроем соотношение основных понятий нашего исследования: историческая политика, политика памяти и политическое использование прошлого, а также обозначим ключевые положения концепции стигмы Э. Гоффмана [Goffman, 1963].

«Договориться о терминах» необходимо, поскольку в настоящее время в междисциплинарном поле *memory studies* одновременно функционирует множество конкурирующих определений для обозначения сходных явлений и процессов: «историческая политика» (М. Хейслер [Heisler, 2008a, 2008b]; А.И. Миллер [Миллер, 2012]), «политика прошлого» (Д. Арт [Art, 2006]), «политика памяти» (М. Бернхард и Я. Кубик [Twenty years after communism, 2014]; В.А. Ачкасов [Ачкасов, 2013], Д.Е. Ефременко [Ефременко, 2018]; Н.Е. Копосов [Копосов, 2011; Kopysov, 2018];

Е.Ю. Мелешкина [Мелешкина, 2018], В.В. Титов [Титов, 2017]), «коллективная/общественная память» (Л.А. Фадеева [Фадеева, 2012: 35–56], Дж. Верч [Wertsch, 2002], К. Смит [Smith, 2002]), «историческая память» (Ю.А. Сафронова [Сафронова, 2019]), «политическое использование прошлого» (О.И. Малинова [Малинова, 2012]), «проработка прошлого» (М. Габович [Replicating atonement, 2017]) и др. Причем консенсуса относительно содержательного наполнения перечисленных понятий в экспертной среде не сложилось.

Напротив, третья волна в исследованиях памяти¹³ стала периодом критической рефлексии, разочарования в идее возможности успешного методологического синтеза подходов из областей social sciences и humanities. Как справедливо констатирует Ю.А. Сафронова, сегодня «memory studies продолжают являть собою удивительное по степени диверсификации исследовательское поле, не имеющее общего понятийного аппарата, методологии или признанных всеми предметов исследования». «В то же время, — подчеркивает она (и мы можем с ней в этом согласиться), — этот затянувшийся кризис сопоставим с кризисами исторических исследований или гуманитарных дисциплин вообще, констатация которых отнюдь не мешает их процветанию, появлению прорывных исследований и широко цитируемых книг» [Сафронова, 2018а: 24].

С нашей точки зрения, максимально емко и при этом крайне лаконично категориально-понятийный аппарат memory studies был представлен в работе О.Ю. Малиновой «Политика памяти как область символической политики», опубликованной в 2018 г. в сборнике научных трудов под редакцией А.И. Миллера и Д.В. Ефременко «Методологические вопросы изучения политики памяти». В целом сама эта книга была призвана сместить фокус приложения сил отечественного экспертного сообщества с написания страноведческих эссе к обсуждению эвристичности применяемых инструментов исследования памяти [Малинова, 2018]. Таким образом, для целей настоящей работы мы воспользуемся сформулированной О.Ю. Малиновой типологией.

¹³ В исследованиях памяти принято выделять три волны. Первая относится к 1920–1940-м годам и связана с именами Мориса Хальбвакса, Аби Варбурга, Вальтера Беньямина и Фредерика Бартлетта. Начало второй волне исследований положили книга американского историка Йозефа Йерушалми «Захор: еврейская память и еврейская история» (1982) и антология французского историка Пьера Нора «Места памяти» (1984). Третий, «критический» период начался в конце 1990-х годов и продолжается до сих пор. См. подробнее: [Сафронова, 2018b].

Под *исторической политикой* мы будем понимать особую комбинацию методов, предполагающих «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [Малинова, 2018: 33]. Это явление мы будем рассматривать как частный случай *политики памяти*, т.е. деятельности «государства и других акторов, направленной на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — еще и законодательного регулирования» [Малинова, 2018: 33].

Политическое использование прошлого — это «наиболее широкая категория; она описывает любые практики обращения к историческому прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию» [Малинова, 2018: 32].

Наконец, все три обозначенные практики — это проявления *символической политики*, т.е. «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова, 2018: 34].

На основе этого общетеоретического каркаса в данной статье предпринята попытка экстраполировать предложенную Лорен Ривера концепцию рассмотрения кровавых эпизодов войны за независимость 1991–1995 гг. как «стигм» Хорватии [Rivera, 2008] на события Второй мировой войны. С учетом того, что под стигмой в классической теории Э. Гоффмана понимается некий признак действующего актора, который определяется им как неприемлемый и/или не соответствующий актуальным общественным ценностям, подобная экстраполяция представляется обоснованной. Отметим, что иллюзорное освобождение от этого признака актер получает в результате его переноса на другого индивида или социальную группу. Актуализацию подобного механизма мы можем наблюдать в дискурсе о «двух тоталитаризмах», раскручиваемом наследниками бывших коллаборационистов. Согласно Э. Гоффману стигматизированные акторы обычно выбирают одну из трех форм взаимодействия с внешним миром: 1) разрыв контакта с не отмеченными стигмой; 2) раскрытие стигмы; 3) утаивание стигмы и стремление к отождествлению с нестигматизированным сообществом [Гоффман, 2001]. В случае государств обозначенные стратегии переходят

в: 1) изоляционизм; 2) публичное покаяние; 3) избирательную амнезию. Задача настоящего исследования — определить тип выбранной Республикой Хорватия стратегии формирования репутации из доступных государствам с «запятнанной» национальной идентичностью.

Прошлое, которое не проходит

Анализ политики памяти официального Загреба в отношении восприятия действий хорватских властей в годы Второй мировой войны переносит нас на теоретическую платформу «спора историков ФРГ 1986–1987 гг.». Тогда в центре полемики академического сообщества оказалась проблема ответственности немцев за преступления периода нацизма. Специалист в области дидактики истории Йорн Рюзен очень точно заметил: «Это был спор о значении национал-социалистического прошлого для настоящего федеративной республики» [цит. по: Рулинский, 2013: 46].

Не разделяя ревизионистскую позицию спровоцировавшего данную дискуссию Эрнста Нольте, который попытался представить нацизм оборонительной реакцией на агрессивное проникновение большевизма в Европу, мы, тем не менее, воспользуемся предложенным им концептом «прошлого, которое не проходит». В своем одноименном эссе Э. Нольте заявил, что национал-социалистическое прошлое Германии не подлежит исчезновению, «а, наоборот, становится, как видим, всё более живым и сильным, но не в качестве примера, а в качестве устрашения, которое уже вторгается в настоящее подвешенным над ним дамокловым мечом» [цит. по: Nolte, 2002: 414].

В 1987 г. французский историк Генри Руссо, также размышляя о проблеме преодоления постыдного прошлого, диагностировал у Пятой республики «синдром Виши» — навязчивое переживание чувства вины за совершенное национальное предательство. Он выделил четыре стадии¹⁴ эволюции исторической памяти французов о коллаборационистском режиме, соотнеся их периодизацию с изменениями политической конъюнктуры [см.: Шамагин, 2012].

Несмотря на расхождение идеологических позиций, оба исследователя представили емкое описание присутствия в нашей повседневности событий прошлого, которые выходят за пределы

¹⁴ «Неоконченная скорбь» (1944–1954); «вытеснение» (1954–1971); «расколотое зеркало» (1971–1974) и «одержимость» (с 1974 г. и до наших дней).

своей историчности и кажутся органически связанными с современной общественной жизнью.

В череде конфликтов, которыми сопровождался распад Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), политическое использование коллективной памяти о трагедиях Второй мировой войны стало еще одним инструментом мобилизации этнических сообществ. Это закономерно, поскольку «нациям необходимо обращаться к мифам и прошлому, чтобы оправдать свое отличие, подтвердить свою коллективную “индивидуальность”» [Smith, 1992: 67].

Так, ежегодно 5 августа в Хорватии отмечается национальный праздник — День победы и благодарности отчизне, а с 2008 г. — и День защитников Хорватии. Он установлен в ознаменование победы в войне 1991–1995 гг. 5 августа 1995 г. в ходе военной операции «Буря» хорватская армия вошла в Книн — столицу самопровозглашенной Республики Сербская Краина. Через два дня «Буря», ставшая самой крупномасштабной наступательной операцией в Европе со времен Второй мировой войны, завершилась. В ходе ее реализации были убиты около 1,2 тыс. гражданских лиц, изгнаны до 250 тыс. сербов¹⁵. Лишь немногие впоследствии вернулись на родину. Республика Сербская Краина была ликвидирована. Хорватская сторона утверждает, что в ходе «Бури» были освобождены оккупированные хорватские территории, а саму операцию считает ключевым эпизодом отечественной войны. Примечательно, что по традиции центром коммеморативных мероприятий, посвященных празднику, становится не Загреб (столица Хорватии), а именно Книн.

Сербы в свою очередь называют операцию «Буря» актом этнической чистки и утверждают, что помощь хорватам оказывали американские военные стратеги. 5 августа в Сербии и Республике Сербской (в составе Боснии и Герцеговины) проходит День траура.

В 2015 г., выступая в рамках мемориального симпозиума в Сава-центре¹⁶, четвертый президент Сербии Томислав Николич (2012–2017) охарактеризовал операцию «Буря» как «скотскую акцию с элементами геноцида», указав на преемственность между военным парадом, проводимым в Хорватии, и торжествами

¹⁵ Данные приводятся по: Сербия и Хорватия обменялись обвинениями в геноциде // РИА Новости. 01.04.2014. Доступ: <https://ria.ru/20140401/1002131188.html> (дата обращения: 11.11.2019).

¹⁶ Сава-центр — международный многофункциональный бизнес- и культурный центр в Новом Белграде, Сербия.

фашистского хорватского правительства во время Второй мировой войны¹⁷. Президент Демократической партии Сербии Санда Рашкович-Ивич провела еще более сильную параллель: «Геноцид против сербов продолжается, и мы все еще подсчитываем погибших в Ясеноваце и в результате “Бури”»¹⁸.

Подобные параллели в риторике политических лидеров (а они не единичны) демонстрируют, что и для сербов, и для хорватов бывшей СФРЮ «прошлым, которое не проходит», стали события в Ясеноваце — крупнейшем комплексе трудовых лагерей и лагерей смерти в Независимом государстве Хорватия (НГХ) во время Второй мировой войны.

Опираясь на терминологию Джеймса Верча, мы можем сказать, что интерпретация знаковых эпизодов хорватской войны за независимость, предлагаемая обеими сторонами конфликта, вписывается в некие «национальные шаблоны повествования», в основе которых — конкурирующие нарративы о фактах Второй мировой войны [Wertsch, Karumidze, 2009: 380]. Использование одних и тех же «шаблонов повествования» не только подчеркивает преемственность истории, но и придает более глубокий смысл и дополнительные коннотации событиям недавнего прошлого.

Ясеновац и Блайбург как противоположные места памяти

В первый месяц существования НГХ его лидер Анте Павелич подписал ряд законов, направленных на защиту «арийской крови и чести хорватского народа» [Беляков, 2002: 77–78]. Показательно, что в попытке продемонстрировать свою верность Третьему рейху правительство этого марионеточного образования скопировало теорию расового превосходства нацистов, приписав хорватам не славянское, а германское происхождение. Всё «неарийское» население лишалось гражданских прав, однако считалось принадлежащим государству. Сербь при этом рассматривались как «вечные враги». Ненависть и презрение фашистов-ушастей по отношению к сербскому народу отразились в речи министра по делам просвещения и религии Миле Будака, заявившего в июле 1941 г. в Вуковаре: «Те сербы, что живут в Хорватии, не сербы, а нищие переселенцы с Востока, которых турки привели с собой в качестве носильщиков и прислуги» [цит. по: Пройдаков,

¹⁷ Nikolić: Zverska akcija s elementima genocida // Politika Online. 05.08.2015. Available at: <http://www.politika.rs/rubrike/dogadjaji-dana/Nikolic-Zverska-akcija-s-elementima-genocida.lt.html> (accessed: 11.11.2019).

¹⁸ ДСС: Геноцид над Србима још траје // СРБИН.ИНФО. 06.08.2015. Available at: <http://dss.rs/genocid-nad-srbima-jos-traje/> (accessed: 11.11.2019).

Суворов, 2017: 38]. М. Будаку также приписывают авторство известной формулы решения сербского вопроса: одну треть — выселить, одну треть — ассимилировать, обратив в католицизм, одну треть — уничтожить.

В течение 1941 и 1942 гг. на всей территории НГХ было создано около 30 немецких, итальянских и усташских лагерей, часть которых функционировали как транзитные, а часть — как концентрационные. Из них крупнейшим по количеству заключенных и занимаемой площади был Ясеновац. Данное обстоятельство, а также тот факт, что именно этот лагерь эксплуатировался дольше других (с августа 1941 г. по апрель 1945 г.), объясняют превращение Ясеноваца в «место памяти» и универсальный символ всех лагерей НГХ.

Соответственно не вызывает удивления, что после смерти Иосипа Броз Тито и развития центробежных тенденций в СФРЮ манипуляции со статистикой убитых в Ясеноваце стали одним из ключевых элементов политического использования прошлого, подпитывая национализм народов бывшей Югославии. Та цифра, вокруг которой строится официальный сербский нарратив, 700 тыс. жертв и более, представляется хорватским экспертам завышенной в десятки раз.

В свою очередь для хорватов главным «местом памяти» Второй мировой войны стал австрийский городок Блайбург. Туда в мае 1945 г., отступая под напором партизан Тито, переместились высшие чины фашистского НГХ, но также часть мирного населения. Все они были готовы сдаться союзникам (британцам), лишь бы не попасть к советским войскам или партизанам. Однако союзники их не приняли, партизаны взяли беженцев в плен и повели обратно. На этом пути, который в Хорватии называют «Крестным путем» или «Маршем смерти», многие были расстреляны без суда и следствия, а некоторые скончались, не вынеся нечеловеческих условий похода [Beljo, 1995].

Выстраивая свою государственную идентичность на базе полного отвержения коммунистического прошлого и пытаясь обнаружить основы «национального духа» в предшествовавшем созданию СФРЮ периоде, Хорватия оказалась в достаточно двусмысленном положении. В рамках осуждения диктатуры Иосипа Броз Тито и героизации борцов за независимость страны были частично оправданы персонажи и движения, крайне далекие от демократических ценностей современной Европы, с которой новая элита так стремилась «воссоединиться».

Ревизия Холокоста

Лакмусовой бумажкой, высветившей зыбкость фундамента исторической политики Загреба, стало отношение к Холокосту. Его коммеморация изначально была неким маркером принадлежности к «европейской семье», элементом значимого ритуала, обязательного для всех государств — членов ЕС. Однако это негласное требование не могло не вызывать дискомфорта у политической элиты Хорватии — страны, запятнавшей себя в период Второй мировой войны.

В результате были выработаны две поистине иезуитские стратегии управления «подпорченным» прошлым. Первая заключалась в том, что преступления Второй мировой войны и преступления Холокоста вспоминались как совершенные против хорватов, но не ими самими, — мнемонический прием, позволяющий отвлечь внимание от зверств руководителей и прислужников НГХ. Так, в частности, с 1995 г. по решению Хорватского сабора 15 мая отмечается как Мемориальный день жертв Блайбурга и «Крестного пути». Ежегодно акцию памяти сторонников фашистского режима НГХ посещают десятки тысяч человек. Австрия, на территории которой они митингуют, высказывает сдержанное недовольство, однако поле, где проводится церемония, находится в частной собственности, а военная форма усташей не принадлежит к числу запрещенных в стране фашистских символов. Отдельно стоит отметить, что защиту и информационную поддержку Блайбургского дня памяти обеспечивает католическая церковь¹⁹. Более того, организаторы успешно используют механизм культурной апроприации, активно внедряя в информационное пространство описание Блайбурга в терминах «Холокоста хорватских мучеников» [см., в частности: Hrvatski Holokaust, 2001].

Вторая стратегия реконструкции памяти о Холокосте состоит в разделении еврейских и сербских жертв усташей. Например, в 2016 г. президент Хорватии Колинда Грабар-Китарович посетила мемориальный центр «Яд Вашем», где произнесла трогательную речь, преисполненную извинений за преступления, совершенные хорватскими фашистами в отношении евреев в годы Второй мировой войны. Но в том же году она отказалась

¹⁹ Никифорова В. Европа не справляется со своими фашистами // Взгляд. 12.05.2018. Доступ: <https://vz.ru/world/2018/5/12/922245.html> (дата обращения: 11.11.2019).

посетить аналогичное мероприятие в комплексе Ясеновац²⁰. Показательна также инициатива хорватских властей 2017 г. по открытию в Загребе музея Холокоста, посвященного, однако, не всем этническим группам, пострадавшим от действий фашиствующего руководства НГХ, а 6 млн погибших евреев. Цель подобного разграничения очевидна — сделать хорватский нарратив о Холокосте частью устоявшегося и более общего европейского нарратива и через использование чужих объяснительных фреймов уйти от необходимости выполнения тяжелой «домашней работы» памяти [Subotic, 2018: 305–307].

Международный суд ООН: Сербия и Хорватия в пространстве симуланной истории

Симптоматично, что в рамках слушаний в Международном суде ООН по взаимным обвинениям Сербии и Хорватии в геноциде в ходе конфликта 1991–1995 гг. команды юристов с обеих сторон регулярно обращались к истории Второй мировой войны.

В июле 1999 г. Хорватия подала заявление в Международный суд ООН, обвинив СФРЮ, представленную Сербией как правопреемницей, в нарушении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. (далее — Конвенция) в период с 1991 по 1995 г. Хорватия на основании собственных правоприязаний и в качестве *parens patriae* от имени своих граждан требовала выплаты компенсации за вред, нанесенный ее населению и имуществу, а также возмещения ущерба экономике и экологии страны. В связи с прекращением существования СФРЮ в 1992 г. Международный суд переадресовал требования Сербии, которая выступила с предварительными возражениями и впоследствии, в 2010 г., — со встречным заявлением [Захаров, 2016].

Заслуживает внимания тот факт, что в рамках судопроизводства хорватская сторона попыталась подкрепить свои обвинения указанием на многочисленные попытки искажения истории Второй мировой войны, якобы предпринятые сербской элитой и способствовавшие разжиганию межэтнической розни. Тем самым юристы Загреба продемонстрировали мастерское владение приемом доведения до абсурда — усиления тезисов оппонента до той степени, когда неизбежно проявятся их недостатки.

²⁰ Milekić S. Holokaust da, genocid ne. 01.02.2016. Available at: <http://queer.hr/45204/holokaust-da-genocid-ne/> (accessed: 11.11.2019).

В первом томе (раздел 2.53) многостраничного меморандума (The Memorial of Croatia), подготовленного к 1 марта 2001 г., сообщалось, что уже с начала 1980-х годов «все возрастающее число сербских газет перешли к публикации возбуждающих ненависть статей об усташском концентрационном лагере Ясеновац, в котором были совершены ужасные преступления в отношении сербов, евреев, ромалов/цыган, хорватов и представителей других народностей в период Второй мировой войны». Подчеркивалось, что сербские историки и публицисты, такие как Милан Булайич [Bulajić, 1992, 2002] и Велимир Терзич [Teržić, 1963], преувеличили число убитых в лагере сербов до 700 тыс. Впоследствии этот показатель был раздут до 1 млн, а затем и до нескольких миллионов человек, пока наконец не было сказано, что точное число убитых сербов «не может быть подсчитано»²¹. В качестве контраргумента на эти исторические инсинуации Хорватия предоставила иные оценки числа жертв, данные 1946 г., 1960-х и 1980-х годов, которые варьируют от 46 до 100 тыс. человек. Возможные обвинения в предвзятости составители документа попытались снять указанием на сходство данных (от 83 до 100 тыс. человек), полученных хорватским исследователем Владимиром Жерявичем [Žerjavić, 1989] и боснийским демографом сербского происхождения Боголюбом Кочовичем [Koćović, 1985].

Далее в меморандуме приводятся два свидетельства (приложения 31²² и 275²³), из которых следует, что угрозы отомстить за Ясеновац использовались для запугивания хорватских военнопленных в 1990-х годах.

В пятом томе того же документа содержатся примеры так называемых подстрекательских статей из сербских газет начала распада СФРЮ. Утверждается, что с 1988 г. резко возросло количество публикаций, посвященных теме преступлений усташей во время Второй мировой войны, предполагаемому восстановлению НГХ и «геноцидному поведению» хорватов. В качестве доказательств в документе приводится перечень наиболее одиозных заголовков выходявших в тот период статей: «Усташаи и

²¹ Case concerning the application of the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Croatia v. Serbia): Memorial of the Republic of Croatia. Vol. 1. 2001. P. 38–39 // The International Court of Justice. Available at: <http://www.icj-cij.org/docket/files/118/18172.pdf> (accessed: 11.11.2019).

²² Ibid. Vol. 1. Part I. 2001. P. 107. Available at: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/18174.pdf> (accessed: 11.11.2019).

²³ Ibid. Vol. 1. Part II. 2001. P. 264. Available at: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/18176.pdf> (accessed: 11.11.2019).

Туджман», «Враг номер один для усташей», «Он, испытывающий страх перед четником, — усташ», «Неизвестные палачи и жертвы», «Пусть мертвые покоятся с миром», «Леопард не меняет своих пятен...», «Спротивление выживших», «Голос против усташей», «Мы не фашисты, мы — усташ», «1941 год начался с того же», «Всеми средствами сопротивляйтесь террору усташского правительства», «Геноцид не должен быть повторен», «Усташаи раскалывают Югославию и перекладывают ответственность на сербов», «Угроза повторения судьбы Ясеноваца», «Парламентский Ясеновац» и др.²⁴

Хорватский меморандум 2001 г. отрицал не сами «ужасные преступления» НГХ, но их правовую квалификацию в качестве геноцида. По сути, его пафос сводился к критике спекулятивного использования страданий прошлого, воплощенных в образе Ясеноваца, современным Белградом.

Сербский контрмеморандум 2009 г. не было призван «оправдать или защитить антидемократический режим в Сербии, сохранявшийся до октября 2000 г., когда сербский национализм занимал место ведущей политической идеологии». Однако в документе подчеркивалось, что «сербский национализм сопровождался и взаимно усиливался национализмом, который процветал в Хорватии и других частях СФРЮ. Все власти предержавшие в бывших югославских республиках стали националистами в поздние 1980-е годы, при том что их методы и возможности различались; все они в большей или меньшей степени внесли вклад в разжигание межэтнической вражды и распад Югославии»²⁵. Белград настаивал на признании террора НГХ против сербского населения геноцидом. При этом отмечалось, что события, которые привели к конфликту 1991–1995 гг., как и сам конфликт, невозможно понять без учета прошлого. Утверждалось, что рост национализма в Хорватии (закономерный в условиях политической турбулентности, неизбежно сопровождающей строительство нового независимого государства) был многократно острее воспринят сербским населением с учетом исторической памяти о событиях в Ясеноваце [Ođak, Benčić, 2016].

²⁴ Ibid. Vol. V. 2001. P. 58. Available at: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/18184.pdf> (accessed: 11.11.2019).

²⁵ Case concerning the application of the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Croatia v. Serbia): Counter-Memorial Submitted by the Republic of Serbia. 2009. Vol. I. P. 145–146 // The International Court of Justice. Available at: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/18188.pdf> (accessed: 11.11.2019).

В ответном письменном заявлении Республики Хорватия от 2010 г. Загреб уделил больше внимания не оспариванию статистики жертв периода Второй мировой войны, а описанию публичной политики Белграда и использованию образа Ясеноваца в создании националистических нарративов. В числе иллюстративных кейсов упоминалась посвященная ужасам усташских лагерей смерти передвижная выставка под названием «Мертвые открывают глаза живым». Экспозиция демонстрировалась солдатам Югославской народной армии (ЮНА) в период с 1986 по 1991 г. На основе изучения карты мест проведения выставки заявитель пришел к выводу, что «именно в этих местах ответчик впоследствии совершил геноцид». Презентация и материалы выставки, включая фотографии, имели четкую цель — связать преступления Второй мировой войны с якобы сепаратистскими тенденциями в Социалистической Республике Хорватия. Одновременно многочисленные статьи в еженедельных журналах, предназначенных для ЮНА, способствовали распространению этого «мыслевируса» с 1986 по 1991 г.²⁶ В данном случае намерение Хорватии состояло в том, чтобы продемонстрировать инструментализацию трагедии Ясеноваца политической элитой Белграда. Однако, даже если принять этот тезис, мы должны будем признать, что Ясеновац уже присутствовал в исторической памяти сербского народа в качестве рожденной, а не сконструированной элитами травмы.

Применительно к полемике, развернувшейся в стенах Международного суда ООН, мы можем отметить, что обе команды юристов представляли Ясеновац как некий якорь групповой идентичности. В политическом пространстве Хорватии Ясеновац использовали в ревизионистских проектах, продуцирующих бесконечные дебаты о количестве жертв и правовой квалификации совершенных преступлений. Весь судебный процесс в Гааге был, по словам лидера хорватской юридической группы Весны Црнич-Гротича, «политическим решением». Причем оно работало на кристаллизацию национальной идентичности новой независимой Хорватии. Как заявил бывший министр юстиции страны Дражен Бошнякович, приговор суда был крайне важен для будущих поколений, поскольку должен был показать, «с какой точки зрения следует оценивать произошедшее на этих

²⁶ Case concerning the application of the Convention on the prevention and punishment of the crime of genocide (Croatia v. Serbia): Reply of the Republic of Croatia. 2010. Vol. I. P. 51 // The International Court of Justice. Available at: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/118/18198.pdf> (accessed: 11.11.2019).

территориях». Бывший прокурор Международного трибунала по бывшей Югославии Джеффри Ницца выступил с аналогичным утверждением, обозначив, что итоги разбирательства определяют «то, как будущие поколения увидят эти события. Судебные процессы и приговоры станут частью материала, на основе которого они будут формировать свое мнение» [Ođak, Benčić, 2016: 815].

Однако 3 февраля 2015 г. Международный суд ООН вынес окончательное, не подлежащее апелляции решение, отказав Хорватии в ее требованиях и Сербии в ее возражениях и встречном заявлении. Таким образом, международное сообщество направило официальным Белграду и Загребу недвусмысленный сигнал: будирование темы геноцида и этнических чисток 1991–1995 гг. не принесет политических очков ни одной из сторон. В итоге, в то время как опыт относительно недавнего конфликта превратился в «фигуру умолчания», Ясеновац, Блайбург и т.п. не исчезли из публичной риторики, сохранив статус «прошлого, которое не проходит».

Мы можем согласиться с профессором кафедры новейшей истории Университета Гранады Хосе Анхелем Руисом Хименесом, отметившим, что этнические группы бывшей Югославии живут в пространстве симультанной истории (*una especie de historia simultánea*), где прошлое и настоящее не разделены и настоящее помогает прошлому «свершаться» [Ruiz Jiménez, 2012]. В своем исследовании, посвященном кровавому распаду Югославии, он, в частности, обратил внимание на интересный парадокс: журналисты, освещавшие войны на Балканах в 1990-х годах, признавались, что не всегда могли сразу понять, имели место злодеяния, о которых говорили местные жители, всего за день до интервью или же они происходили в 1941, 1841 или даже 1441 гг. В памяти сербов события 1991–1995 гг. переплелись с преследованиями сербского населения в годы существования НГХ, и в провозглашении новой Республики Хорватия они были склонны видеть возрождение прежней политики геноцида. Экзистенциальный страх народа выразился в готовности к превентивной агрессии. Смысловым ядром хорватского нарратива были указания на политическую асимметрию Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также на страдания простых хорватов при коммунизме и казни, совершенные партизанами-коммунистами и четниками.

Иными словами, если для сербов Ясеновац стал символом, в соотнесении с которым должны читаться и интерпретироваться все будущие испытания, то для хорватов этот образ был

и остается вызовом прошлого. Как в сербском, так и в хорватском нарративах обнаруживается тенденция описывать историю своего народа через метафору цепи непрерывных преследований и страданий. Применительно к Сербии преемственность выражается в формировании мнемонической линии, объединяющей жертв лагеря Ясеновац и сербов, пострадавших в середине 1990-х годов. Для Хорватии она проявляется в увязывании темы сербской спекуляции на трагедии Ясеноваца с вопросом ответственности сербов за преступления, совершенные против хорватов в ходе распада СФРЮ.

Избирательная амнезия как способ управления «испорченной идентичностью»

Как подчеркивает профессор факультета политологии Университета Загреба Дехан Йович, политический контроль над памятью характерен не только для авторитарных режимов, но и для стран демократического транзита. После 1989 г. лидеры Хорватии и Сербии выступили против официальных нарративов коммунистического периода, создав новую официальную память посредством механизмов, весьма далеких от либеральных [Jović, 2006].

В докладе 2018 г. международного проекта MYPLACE (Memory, Youth, Politic Legacy and Civic Engagement), посвященного изучению воздействия памяти о тоталитарном прошлом на установки молодежи в отношении социального и политического включения, а также на ее склонность к радикализму, отмечалось стремление хорватских участников опровергнуть тезис о сохраняющемся влиянии прошлого на современную политику Хорватии. Однако факта происходящей инструментализации истории никто не отрицал [Franc et al., 2018].

С «неудобным прошлым» Второй мировой войны Республика Хорватия справилась посредством смещения акцентов в официальном историческом нарративе, а не путем «раскрытия стигмы». Одновременно был проведен своеобразный ребрендинг нации, призванный подчеркнуть родство хорватов с западноевропейскими соседями и отделить их от славянского цивилизационного пространства.

Рассуждая в логике концепции управления стигмой Э. Гоффмана, мы можем заключить, что Хорватия применила стратегию «избирательной амнезии», отдав предпочтение сокрытию неоднозначных эпизодов истории, а не унижительному покаянию. Во-многом это стало возможным благодаря отсутствию внутри

страны сильных агентов памяти, способных предложить альтернативные версии случившегося. На эту роль могло бы претендовать сербское меньшинство, но по итогам хорватской войны за независимость на территории страны сербов осталось не более 4,5% населения. С 1991 г. их численность сократилась почти в три раза. При этом, по данным правозащитников, в Хорватии за последние 19 лет около 30 тыс. православных сербов перешли в католичество. Причину этого эксперты видят в стремлении родителей оградить своих детей от дискриминации по этнорелигиозному признаку²⁷.

Современная историческая политика Хорватии сообщает дополнительный импульс мобилизации праворадикальных сил. К хорватским радикальным и экстремистским организациям обычно относят Ассоциацию хорватских националистов, отколовшуюся от Хорватской чистой партии права, Хорватский национальный фронт и Хорватскую ассоциацию участников Второй мировой войны и национального сопротивления (усташи), которая требует от правительства запретить красную звезду как символ красных партизан времен И.Б. Тито. При этом в условиях отсутствия законодательства, запрещающего исторический ревизионизм и отрицание военных преступлений, в стране действуют «низовые» популяризаторы усташей.

Историческая самолегитимация Республики Хорватия формируется на основе идентификации с жертвами тоталитаризма и попыток представить действия НГХ как реакцию на великосербский национализм и захватническую политику соседних народов. В отсутствие возможности выстроить нарратив о героизме нации, проявленном в период Второй мировой войны, дискурсивная риторика «жертвы» стала для политических элит Хорватии эффективной компенсаторной стратегией поведения в битвах за историю.

В момент, когда со смертью очевидцев коммуникативная память переходит в культурную, она в большей степени поддается манипулятивному воздействию. Именно поэтому для официального Загреба «неудобное прошлое» Второй мировой войны оказалось более «политически пригодным», чем история обретения

²⁷ Неонацизм — опасный вызов правам человека, демократии и верховенству права: Доклад МИД России. М., 2015. С. 97 // МИД РФ. Доступ: https://www.mid.ru/documents/10180/659066/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%9C%D0%98%D0%94_%D0%A0%D0%A4_%D0%9D%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf/6ce5d456-f2e5-477b-b47e-3f3d65dfec56 (дата обращения: 11.11.2019).

республикой независимости. В отношении последнего сюжета добиться внутривосточного консенсуса значительно сложнее.

В заключение отметим, что если определять эффективность исторической политики через ее эластичность — способность опираться на уже сложившиеся в обществе представления и стереотипы — и учитывать существующую внешнеполитическую конъюнктуру [Титов, 2017], то следует признать: хорватские элиты вполне преуспели в политическом использовании прошлого Второй мировой войны, умело лавируя в пространстве «избирательной амнезии». Однако если в своем отрицании коммунистического прошлого Загреб увлечется и перейдет невидимую черту, отделяющую осуждение «тоталитарных коммунистических режимов» (в духе резолюции № 1481 ПАСЕ) от оправдания устроителей Холокоста и сочувствовавших им как борцов за независимость, то достигнутый баланс будет нарушен.

Вплоть до начала 2000-х годов Холокост оставался ядром транснациональной культуры памяти Западной Европы. Единое осуждение всех причастных к массовому уничтожению представителей определенных этнических и социальных групп лежало в основе послевоенного европейского единства. Однако с очередным этапом расширения ЕС в 2004 г. и включением в его состав осколков бывших «тоталитарных империй» установленные Нюрнбергом границы между «черным» и «белым» стали размываться. Политические элиты стран Центральной и Восточной Европы пошли по пути уравнивания жертв двух тоталитарных режимов — нацизма и коммунизма — и исключения ответственности собственных наций за эти преступления [Воронович, Ефременко, 2017]. Надежды на то, что консенсус относительно прошлого станет еще одним фактором консолидации Европы, не оправдались. Поскольку историческая политика все чаще оказывается предметом межгосударственных интеракций, у Хорватии, как и у других «младоевропейцев», есть все шансы вместе с водой выплеснуть и ребенка, подорвав в своей увлеченности риторикой «двух тоталитаризмов» один из столпов общеевропейского единства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
2. Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 106–123.

3. Ачкасов В.А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: Сборник научных трудов. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 126–148.

4. Беляков С.С. Геноцид сербского народа в независимом государстве Хорватия // Военный комментатор: Военно-исторический альманах. 2002. № 1 (3). С. 77–80.

5. Воронович А., Ефременко Д. Политика памяти по-киевски: стратегии формирования украинской идентичности в контексте евроинтеграционных процессов // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 5. С. 209–223. Доступ: <https://globalaffairs.ru/number/Politika-pamyati-po-kievski-19124> (дата обращения: 11.11.2019).

6. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность. Ч. 2. Контроль над информацией и социальная идентичность (главы 3–6). 2001. Доступ: <http://gendocs.ru/v27579/?cc=1> (дата обращения: 11.11.2019).

7. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М.: Русское право; Русский национальный фонд, 2001.

8. Ефременко Д.В., Миллер А.И., Малинова О.Ю. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140. DOI: 10.31857/S086956870001569-6.

9. Захаров Т.В. Решение Международного суда ООН от 3 февраля 2015 г. по делу о применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него («Хорватия против Сербии»): (Краткий обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2016. С. 59–68. Доступ: <file:///C:/Users/acer/Downloads/2016-01-015-reshenie-mejdunarodnogo-suda-onn-ot-3-fevralya-2015-g-po-delu-o-primeneni-konventsii-o-preduprezhdenii-prestupleniya-genotsida-i-nakazanii-za-nego-horvatiya-protiv-serbii-kratkiy-obzor-application-of-the.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).

10. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011.

11. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–54.

12. Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2012. Т. 8. № 4. С. 179–204.

13. Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 265–289. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11.

14. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М., 2012. С. 7–32.

15. Пономарева Е.Г. Политическое развитие постюгославского пространства (внутренние и внешние факторы). М.: МГИМО (У) МИД России, 2007.

16. Пройдаков А.А., Суворов Ю.В. Геноцид сербов как часть политики независимого государства Хорватия (1941–1945 годы) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1. С. 37–40. Доступ: <file:///C:/Users/acer/Downloads/genotsid-serbov-kak-chast-politiki-nezavisimogogosudarstva-horvatiya-1941-1945-god.pdf> (дата обращения: 11.11.2019).
17. Романенко С.А. Югославия: история возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. Национальное самоопределение народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX–XX вв. М., 2000.
18. Рулинский В.В. «Спор историков» в Германии: проблема ответственности за нацистские преступления // Вестник славянских культур. 2013. № 1. С. 46–56.
19. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 11–27.
20. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение: Учебное пособие. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
21. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01.
22. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017.
23. Фадеева Л.А. «Прошлое» в политике идентичности и проблема коллективной памяти // Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012. С. 35–56.
24. Федорова М.М. Понятие долга памяти в контексте современных идеологических дискурсов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 2. С. 133–140.
25. Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001.
26. Шмагин Д.В. «Синдром Виши»: политические проблемы переосмысления коллаборационистского прошлого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2012. № 2. С. 70–79.
27. Art D. The politics of the Nazi past in Germany and Austria. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0067237811000166>.
28. Beljo A. Yu-genocide: Bleiburg, death marches, UDBA (Yugoslav secret police). Toronto: Northern Tribune Pub., 1995.
29. Bulajić M. Jasenovac: The Jewish-Serbian Holocaust (the role of the Vatican) in Nazi-Ustasha Croatia (1941–1945). Belgrade: Fund for Genocide Research; Stručna knjiga, 2002.
30. Bulajić M. Tudjman's 'Jasenovac myth': Ustasha crimes of genocide. Belgrade: The Ministry of Information of the Republic of Serbia, 1992.
31. Edele M. Fighting Russia's history wars. Vladimir Putin and the codification of World War II // History and Memory. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 90–124. DOI: 10.2979/histmemo.29.2.05.
32. Franc R., Perasović B., Mustapić M. Youth, history and a crisis of democracy? Perspectives from Croatia // Understanding youth participation across

Europe / Ed. by H. Pilkington, G. Pollock, R. Franc. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 227–263. DOI: 10.1057/978-1-137-59007-7_10.

33. Goffman I. Stigma: Notes on the management of spoiled identity. New York: Simon and Shuster, 1963.

34. Heisler M.O. Challenged histories and collective self-concepts: Politics in history, memory, and time // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617. No. 1. P. 199–211.

35. Heisler M.O. The political currency of the past: History, memory and identity // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008. Vol. 617. No. 1. P. 14–24. DOI: 10.1177/0002716208315024.

36. Hrvatski Holokaust: dokumenti i svjedočanstva o poratnim pokoljima u Jugoslaviji / Ed. by J.I. Prcela, D. Živić. Zagreb: Hrvatsko društvo političkih zatvorenika, 2001.

37. Jović D. Official memories' in post-authoritarianism: An analytical framework // *Journal of Southern Europe and the Balkans*. 2006. Vol. 6. No. 2. P. 98–107. DOI: 10.1080/1461319042000242001.

38. Kočović B. *Žrtve Drugog svetskog rata u Jugoslaviji* (Victims of World War Two in Yugoslavia). London, 1985.

39. Kopusov N. Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia. Cambridge: Cambridge university press, 2018. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-1-186-190.

40. Nolte E. The past that will not pass: A speech that could be written but not delivered // *The Nazi Germany sourcebook: An anthology of texts* / Ed. by R. Stackelberg, S.A. Winkle. London; New York: Routledge, 2002.

41. Odak S., Benčić A. Jasenovac — A past that does not pass: The presence of Jasenovac in Croatian and Serbian collective memory of conflict // *East European Politics and Societies and Cultures*. 2016. Vol. 30. No. 4. P. 811–814. DOI: 10.1177/0888325416653657.

42. Replicating atonement. Foreign models in the commemoration of atrocities / Ed. by M. Gabowitsch. Cham: Palgrave Macmillan, 2017.

43. Rieff D. In praise of forgetting: Historical memory and its ironies. Yale: Yale University Press, 2016.

44. Rivera L. Managing 'spoiled' national identity: War, tourism, and memory in Croatia // *American Sociological Review*. 2008. No. 73. P. 613–634.

45. Ruiz Jiménez J.Á. Las sombras de la barbarie: Confrontación de memorias colectivas en los países exyugoslavos // *Balkania*. 2012. No. 3. P. 127–141.

46. Smith A. National identity and idea of European unity // *International Affairs*. 1992. Vol. 68. No. 1. P. 55–76.

47. Smith K.E. *Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era*. Ithaca, 2002.

48. Subotic J. Political memory, ontological security, and Holocaust remembrance in post-communist Europe // *European Security*. 2018. Vol. 27. No. 3. P. 296–313. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497980>.

49. Teržić V. *Jugoslavija u aprilskom ratu*. Titograd: Grafički zavod, 1963.

50. *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration* / Ed. by M. Bernhard, J. Kubik. Oxford: Oxford University Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.1.182>.

51. Wertsch J.V. *Voices of collective remembering*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: 10.2307/3220266.

52. Wertsch J.V., Karumidze Z. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008 // *Memory Studies*. 2009. Vol. 2. No. 3. P. 377–391. DOI: 10.1177/1750698008337566.

53. Žerjavić V. Gubici stanovništva Jugoslavije u Drugom svjetskom ratu (The losses of the Yugoslav population in World War Two). Zagreb, 1989.

A.M. Ponamareva

AN INCONVENIENT PAST OF WORLD WAR II IN THE HISTORICAL POLICY OF THE REPUBLIC OF CROATIA

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovskii prospect, Moscow, 117997*

Historical research has always, to one degree or another, been used for political expediency, during the periods of war and intense social and political upheaval transforming into the ‘heavy artillery’ of the state propaganda. In recent years, this trend has received a powerful impetus, prompting scholars to critically reassess the role of historical memory in the formation of collective identities and political myths. These studies have already turned into a full-fledged independent research area, focused on politics of history and memory and the use of the past for political purposes in general. This paper examines the key features and content of the historical policy of the Republic of Croatia regarding its ‘inconvenient past’ of the World War II. While the experience of the recent Serbo-Croatian conflict is often glossed over, the landmark events of the 1940s are constantly invoked in the public rhetoric of the country’s leaders, turning into a ‘past that does not pass’. In the countries of the former Yugoslavia competing narratives are constructed around certain historical events and personalities: if Serbia concentrates on such topics as Jasenovac and anti-fascism, Croatia invokes the memories of the so-called Bleiburg massacre of 1945, the ‘Way of the Cross’ and the victims of communism. Jasenovac and Bleiburg are counterposed to each other as ‘places of remembrance’, which provide political opponents with yet another opportunity to challenge each other over differences in the interpretation of both the events of World War II and the contemporary bilateral relations. The author considers Serbo-Croatian dispute over historical events from the standpoint of the theory of stigmatization by E. Goffman. Within this theoretical framework, the author attempts to conceptualize the events of World War II as a special ‘stigma’ of Croatia. Such extrapolation is perfectly defensible on the grounds of the Erving Goffman’s classic theory. It allows for the identification of the type of strategy to promote the country’s reputation, chosen by the Republic of Croatia from those available to states with a ‘tarnished’ national identity. Building on the E. Goffman’s

theory the author concludes that Croatia adopts the strategy of ‘selective amnesia’, preferring to conceal the controversial episodes of its history. The paper identifies methods of historical self-legitimation of the Republic of Croatia, as well as their foreign policy implications.

Keywords: historical memory, politics of memory, political use of the past, identity, memory studies, stigmatization, World War II, the Republic of Croatia.

About the author: *Anastasia M. Ponamareva* — PhD (Sociology), Senior Research Fellow at the Department of the European Security of the Center of Scientific Information Studies on Global and Regional Issues, the Institute of Scientific Information for Social Sciences, the Russian Academy of Sciences (e-mail: amp1982@mail.ru).

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-011-00662.

REFERENCES

1. Achkasov V.A. 2013. ‘Politika pamyati’ kak instrument konstruirovaniya postsotsialisticheskikh natsii [‘Politics of memory’ as a tool for post-Socialist ‘nation-building’]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii*, vol. XVI, no. 4 (69), pp. 106–123. (In Russ.)
2. Achkasov V.A. 2012. Rol’ politicheskikh i intellektual’nykh elit postkommunisticheskikh gosudarstv v proizvodstve ‘politiki pamyati’ [The role of political and intellectual elites of post-Communist states in the development of memory politics]. In Malinova O.Yu. (ed.). *Simvolicheskaya politika. Vyp. 1. Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs* [Symbolic politics. Iss. 1. Construction of the past as a power resource]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 126–148. (In Russ.)
3. Assman Ya. 2004. *Kul’turnaya pamyat’. Pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti* [Cultural memory and early civilization writing, remembrance, and political imagination]. Moscow. (In Russ.)
4. Belyakov S.S. 2002. Genotsid serbskogo naroda v Nezavisimom gosudarstve Khorvatiya [Serbian genocide in the Independent State of Croatia]. *Voennyi kommentator: Voенно-istoricheskii al’manakh*, no. 1 (3), pp. 77–80. (In Russ.)
5. Voronovich A., Efremenko D. 2017. Politika pamyati po-kievski: strategii formirovaniya ukrainskoi identichnosti v kontekste evrointegratsionnykh protsessov [Politics of memory, Kiev style]. *Russia in Global Affairs*, vol. 15, no. 5, pp. 209–223. (In Russ.)
6. Gofman I. 2001. *Stigma: Zametki ob upravlenii isporchennoi identichnost’yu* [Stigma: Notes on the management of spoiled identity]. Available at: <http://gendocs.ru/v27579/?cc=1> (accessed: 11.11.2019). (In Russ.)
7. Gus’kova E.Yu. 2001. *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)* [History of the Yugoslav crisis (1990–2000)]. Moscow, Russkoe Pravo Publ. (In Russ.)
8. Efremenko D.V., Miller A.I., Malinova O.Yu. 2018. Politika pamyati i istoricheskaya nauka [Politics of memory and historical science]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 5, pp. 128–140. DOI: 10.31857/S086956870001569-6. (In Russ.)

9. Zakharov T.V. 2016. Reshenie Mezhdunarodnogo suda OON ot 3 fevralya 2015 g. po delu o primenenii Konventsii o preduprezhdenii prestupleniya genotsida i nakazaniya za nego ('Khorvatiya protiv Serbii') [UN International Court decision of 3 February 2015 concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia vs Serbia)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4. Gosudarstvo i pravo: Referativnyi zhurnal*, pp. 59–68. (In Russ.)

10. Koposov N.E. 2011. *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory strict regime. History and politics in Russia]. Moscow. (In Russ.)

11. Malinova O.Yu. 2018. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Politics of memory as sphere of symbolic policy]. In Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 27–54. (In Russ.)

12. Malinova O.Yu. 2012. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evolyutsiya diskursa vlastvuyushchei elity v postsovetsoi Rossii [Political usage of the past as a tool of symbolic policy: The evolution of a discourse of the governing elite in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 8, no. 4, pp. 179–204. (In Russ.)

13. Meleshkina E.Yu. 2018. Pamyat' o sotsialisticheskoi Yugoslavii v publicnom prostranstve byvshikh respublik SFRYU [Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics]. *Politicheskaya nauka*, vol. 3, pp. 265–289. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11. (In Russ.)

14. Miller A.I. 2012. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI veka [Historical policy in the Eastern Europe in the beginning of the XXI century]. In Miller A., Lipman M. (eds.). *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical policy in the 21st century]. Moscow, pp. 7–32. (In Russ.)

15. Ponomareva E.G. 2007. *Politicheskoe razvitie postyugoslavskogo prostranstva (vnutrennie i vneshnie faktory)* [The political development of the post-Yugoslavian area (internal and external factors)]. Moscow, MGIMO (U) MID Rossii Publ. (In Russ.)

16. Proidakov A.A., Suvorov Yu.V. 2017. Genotsid serbov kak chast' politiki Nezavisimogo gosudarstva Khorvatiya (1941–1945 gody) [Serbian genocide as a part of the Independent State of Croatia's policy (1941–1945)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 37–40. (In Russ.)

17. Romanenko S.A. 2000. *Yugoslaviya: istoriya vozniknoveniya, krizis, raspad, obrazovanie nezavisimyykh gosudarstv. Natsional'noe samoopredelenie narodov Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy v XIX–XX vv.* [Yugoslavia: Emergence, crisis, collapse, and the formation of independent states: National self-determination of peoples of Central and South-East Europe in the 19–20th centuries]. Moscow. (In Russ.)

18. Rulinskii V.V. 2013. 'Spor istorikov' v Germanii: problema otvetstvennosti za natsistskie prestupleniya ['Historians' dispute' in Germany: The problem of responsibility for the Nazi crimes]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, no. 1, pp. 46–56. (In Russ.)

19. Safronova Yu.A. 2019. *Istoricheskaya pamyat': vvedenie: Uchebnoe posobie* [Historical memory: An introduction]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

20. Safronova Yu.A. 2018a. Memory studies: evolyutsiya, problematika i institutsional'noe razvitie [Memory studies: Evolution, problematics and institutional development]. In Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological issues of memory studies]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 11–27. (In Russ.)
21. Safronova Yu.A. 2018b. Tret'ya volna memory studies: Dvadsat' tri goda protiv shersti [The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01. (In Russ.)
22. Titov V.V. 2017. *Politika pamyati i formirovanie natsional'no-gosudarstvennoi identichnosti: Rossiiskii opyt i novye tendentsii* ['Politics of memory' and development of national and state identity: Russian experience and new trends]. Moscow, Vash format Publ. (In Russ.)
23. Fadeeva L.A. 2012. 'Proshloe' v politike identichnosti i problema kollektivnoi pamyati ['The past' in the identity politics and the problem of collective memory]. In Panov P.V., Sulimov K.A., Fadeeva L.A. (eds.). *Bor'ba za identichnost' i novye instituty kommunikatsii* [The struggle for identity and new institutions of communication]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 35–56. (In Russ.)
24. Fedorova M.M. 2019. Ponyatie dolga pamyati v kontekste sovremennykh ideologicheskikh diskursov [The concept of the duty of memory in the context of modern ideological discourses]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 2, pp. 133–140. (In Russ.)
25. Freidzon V.I. 2001. *Istoriya Khorvatii. Kratkii ocherk s drevneishikh vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.)*. [History of Croatia since ancient times to the formation of the republic in 1991. A brief overview]. St. Petersburg, Aleteiya Publ. (In Russ.)
26. Shmagin D.V. 2012. 'Sindrom Vishi': politicheskie problemy pereosmysleniya kollaboratsionistskogo proshlogo [The 'Vichy syndrome': The political problems of the collaborationist past rethinking]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, no. 2, pp. 70–79. (In Russ.)
27. Art D. 2006. *The politics of the Nazi past in Germany and Austria*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0067237811000166>.
28. Beljo A. 1995. *Yu-genocide: Bleiburg, death marches, UDBA (Yugoslav secret police)*. Toronto, Northern Tribune Pub.
29. Bulajić M. 2002. *Jasenovac: The Jewish-Serbian Holocaust (the role of the Vatican) in Nazi-Ustasha Croatia (1941–1945)*. Belgrade, Fund for Genocide Research, Stručna knjiga.
30. Bulajić M. 1992. *Tudjman's 'Jasenovac myth': Ustasha crimes of genocide*. Belgrade, The Ministry of Information of the Republic of Serbia.
31. Edele M. 2017. Fighting Russia's history wars. Vladimir Putin and the codification of World War II. *History and Memory*, vol. 29, no. 2, pp. 90–124. DOI: 10.2979/histmemo.29.2.05.
32. Franc R., Perasović B., Mustapić M. 2018. Youth, history and a crisis of democracy? Perspectives from Croatia. In Pilkington H., Pollock G., Franc R. (eds.). *Understanding youth participation across Europe*. London, Palgrave Macmillan, pp. 227–263. DOI: 10.1057/978-1-137-59007-7_10.
33. Goffman I. 1963. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. New York, Simon and Shuster.

34. Heisler M.O. 2008a. Challenged histories and collective self-concepts: Politics in history, memory, and time. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 617, no. 1, pp. 199–211.
35. Heisler M.O. 2008b. The political currency of the past: History, memory and identity. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 617, no. 1, pp. 14–24. DOI: 10.1177/0002716208315024.
36. Prcela J.I., Živić D. (eds.). 2001. *Hrvatski Holokaust: dokumenti i svjedočanstva o poratnim pokoljima u Jugoslaviji*. Zagreb, Hrvatsko društvo političkih zatvorenika.
37. Jović D. 2006. Official memories' in post-authoritarianism: An analytical framework. *Journal of Southern Europe and the Balkans*, vol. 6, no. 2, pp. 98–107. DOI: 10.1080/1461319042000242001.
38. Kočović B. 1985. *Žrtve Drugog svetskog rata u Jugoslaviji (Victims of World War Two in Yugoslavia)*. London.
39. Kopusov N. 2018. *Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.25285/2078-1938-2019-11-1-186–190.
40. Nolte E. 2002. The past that will not pass: A speech that could be written but not delivered. In Stackelberg R., Winkle S.A. (eds.). *The Nazi Germany sourcebook: An anthology of texts*. London, New York, Routledge.
41. Odak S., Benčić A. 2016. Jasenovac — A past that does not pass: The presence of Jasenovac in Croatian and Serbian collective memory of conflict. *East European Politics and Societies and Cultures*, vol. 30, no. 4, pp. 811–814. DOI: 10.1177/0888325416653657.
42. Gabowitsch M. (ed.). 2017. *Replicating atonement. Foreign models in the commemoration of atrocities*. Cham, Palgrave Macmillan.
43. Rieff D. 2016. *In praise of forgetting: Historical memory and its ironies*. Yale, Yale University Press.
44. Rivera L. 2008. Managing 'spoiled' national identity: War, tourism, and memory in Croatia. *American Sociological Review*, no. 73, pp. 613–634.
45. Ruiz Jiménez J.Á. 2012. Las sombras de la barbarie: Confrontación de memorias colectivas en los países exyugoslavos. *Balkania*, no. 3, pp. 127–141.
46. Smith A. 1992. National identity and idea of European unity. *International Affairs*, vol. 68, no. 1, pp. 55–76.
47. Smith K.E. 2002. *Mythmaking in the new Russia: Politics and memory during the Yeltsin era*. Ithaca.
48. Subotic J. 2018. Political memory, ontological security, and Holocaust remembrance in post-communist Europe. *European Security*, vol. 27, no. 3, pp. 296–313. DOI: <https://doi.org/10.1080/09662839.2018.1497980>.
49. Terzić V. 1963. *Jugoslavija u aprilskom ratu*. Titograd, Grafički zavod.
50. Bernhard M., Kubik J. (eds.). 2014. *Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford, Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.1.182>.
51. Wertsch J.V. 2002. *Voices of collective remembering*. Cambridge, Cambridge University Press. DOI: 10.2307/3220266.
52. Wertsch J.V., Karumidze Z. 2009. Spinning the past: Russian and Georgian accounts of the war of August 2008. *Memory Studies*, vol. 2, no. 3. DOI: 10.1177/1750698008337566.
53. Žerjavić V. 1989. *Gubici stanovništva Jugoslavije u Drugom svjetskom ratu (The Losses of the Yugoslav Population in World War Two)*. Zagreb.